

тивный характер позволяет Попперу именовать элейца радикальным рационалистом, столь близким к КР своим «путем мнения», а его систему – радикальным рационализмом, интеллектуализмом или даже логичизмом. Особенность парменидовского рационализма может быть выражена очень просто: существует только один единственный путь, ведущий к истине – логическое доказательство.

В гносеологическом плане Парменид привлекает внимание Поппера своим открытием нового пути познания и созданием эпистемологии. Под ней понимается «путь поиска», «путь исследования». Таковыми у Парменида выступают «путь истины» – путь божественного откровения и «путь мнения» – путь смертных. Вслед за Ксенофаном, Парменид под мнением подразумевает предположение. Однако, как считает Поппер, противопоставление истины и мнения проводится Парменидом значительно строже, чем Ксенофаном: первый строго противопоставляет мнение истинной вере, второй же допускает, что смертные также могли бы иметь случайно некоторые истинные мнения, хотя они этого и не знали бы. По Попперу, путь мнения – это миф, являющийся, по меньшей мере, в тройном смысле ложным, но правдоподобным: 1) явление – то, что кажется истинным, а потому оно должно быть как-то схоже с истиной; 2) путь мнения ошибочен, но всё же правдоподобен в том же самом смысле, в каком почти все наилучшие научные теории ошибочны, но правдоподобны; 3) путь мнения во многом схож с путем истины [Popper, 2016, p.201].

Как и Ксенофан, для выражения правдоподобности мнений Парменид употребляет слово «eikota»: «Я изрекаю тебе вполне правдоподобное мироустройство...» [Фрагменты, 1989, с.291].

Что касается космологических представлений Парменида, то Поппер оценивает их очень высоко, считая его не только самым оригинальным и величайшим среди всех философов, но и космологом, создавшим теорию шаровидности Земли, усовершенствовавшим анаксимандрову модель мира и сформулировавшим теорию шаровидности Луны и её фаз. Эти его открытия – важнейшие вехи на пути исследований, приведших к Аристарху, Копернику, Ньютону и Эйнштейну.

Осуществленная выше реконструкция идей Ксенофана и Парменида позволяет сделать вывод о том, что 1) именно знакомство Поппера в юности с мыслью досократиков оказалось определяющим в формировании и становлении методологии КР; 2) истоки фундаментальных идей науки восходят не только к ранней греческой философии и науке, но и к мифотворчеству древних.

Литература

1. Досократики, 1999 – Досократики. Мн., 1999. 784 с.
2. Поппер, 2002 – *Popper K.* Объективное знание. Эволюционный подход // М., 2002. 384 с.
3. Поппер, 2004 – *Popper K.* Предположения и опровержения // М., 2004. 638 с.
4. Фрагменты..., 1989 - Фрагменты ранних греческих философов // М., 1989. 576 с.
5. Popper, 2016 – *Popper K.* Die Welt des Parmenides. (5 Auflage). // München, 2016. 480 p.
6. Popper, 2016a – *Popper K.-R.* Duldsamkeit und intellektuelle Verantwortlichkeit // Auf der Suche nach einer besseren Welt. (19 Auflage), München, 2016. P. 213-230.
7. Popper, 2016a – *Popper K.-R.* Über Wissen und Nichtwissen // Auf der Suche nach einer besseren Welt. (19 Auflage), München, 2016. P. 41-54.

УДК 167

«МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ» И ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Наталья Григорьевна Баранец

*Доктор философских наук, профессор
Ульяновский государственный университет*

Андрей Борисович Верёвкин

*Кандидат физико-математических наук, доцент
Ульяновский государственный университет*

При описании рефлексии историков о статусе исторической науки применение понятия «методологическое сознание учёных» позволяет обнаружить новые эпистемологические аспекты. Для понимания перспективы развития эпистемологии истории и методологии исторической науки необходимо оценить «познавательный зазор» между образом исторической дисциплины, имеющимся у исследователей истории, и эпистемологическими концепциями исторического знания в экзистенциальном, нарративном направлении и в аналитической философии. «Сильная версия» организации науки осуществлена в некоторых естественных дисциплинах, но она представляется недостижимым идеалом для истории. Решение вопроса о наличии в истории закономерностей возможно при чётком отделении онтологии исторических событий от онтологий материального уровня культуры и уникальных исторических явлений. Необходимо правильно выявлять области приложений гипотетико-дедуктивной, дедуктивно-номологической, индуктивно-вероятностной и телеологической моделей объяснения, которые не исключают, а

взаимно дополняют друг друга.

Ключевые слова: понимание, эпистемология истории, модели объяснения в истории, методологическое сознание историков.

“METHODOLOGICAL CONSCIOUSNESS” AND THE EPISTEMOLOGY OF HISTORICAL SCIENCE

Natalia Grigoryevna Baranetz

DSc in Philosophy, Professor

Ulyanovsk State University

Andrey Borisovich Verevkin

PhD in Phys.-math. Science, Associate Professor

Ulyanovsk State University

When describing historians' reflection on the status of historical science, the use of the concept of “scientists' methodological consciousness” makes it possible to discover new epistemological aspects. In order to understand the prospects for the development of the epistemology of history and the methodology of historical science, it is necessary to evaluate the “cognitive gap” between the historical discipline image of historical researchers and the epistemological concepts of historical knowledge in the existential, narrative direction and in analytical philosophy. A “strong version” of the organization of science has been implemented in some natural disciplines, but it seems to be an unattainable ideal for historical science. The solution to the question of the existence of patterns in history is possible only with a clear separation of the ontology of historical events from the ontologies of the material level of culture and unique historical phenomena. It is necessary to correctly identify the areas of application of hypothetical-deductive, deductive-nomological, inductive-probabilistic, and teleological models of explanation, which do not exclude, but complement each other.

Keywords: understanding, epistemology of historical science, models of explanation in historical science, historians' methodological consciousness.

С некоторых пор в отечественной исторической науке популярен методологический нигилизм. И это лишь отчасти объяснимо особенностями исторического познания. Для осмысления этого феномена нужно исследовать эволюцию методологического сознания историков последних двух веков. Тогда возможно обнаружить различие в представлениях об историческом знании у самих историков и эпистемологов, изучающих специфику истории как научной дисциплины.

Введение концепта «методологическое сознание» в проблемное поле эпистемологии истории позволяет учесть рефлексии историков, направленную на осмысление специфики исторической науки и её методологии, и оценить – как доминирующий образ исторической науки влиял на выбор тематики исследований [Огурцов, 2003]. Методологическое сознание учёных направлено на осмысление логико-философских проблем собственной науки, на выявление основных путей и методов её развития, на связи между ней и другими науками. В методологическом сознании учёных выделяются три уровня: философские концепции науки, конкретно-научная методология и представления учёных о развитии научного знания. Рефлексия учёных преимущественно направлена на систематизацию методов работы и на историю своей дисциплины.

Проблемы специфики методов исторической работы мало интересовали историков вплоть до середины XIX века. На суждения историков о задачах и приёмах их науки повлиял немецкий идеализм. К концу XIX века осмысленный и осознанно принятый принцип историзма укрепился в мышлении историка. В основе историзма лежит представление о постепенном, последовательном развитии общества и исторических явлений. Но в XX веке под влиянием множества факторов историзм из методологической установки превратился в нетворческую ритуальную декларацию. Также сказались разочарование в возможности проведения объёмных, многоаспектных исследований. В науке стали преобладать локальные ситуационные микрозадачи. Существенное значение имело заимствованное идеологическое отрицание закономерностей в развитии общества.

К началу XX века сложились две альтернативные философско-методологические линии, к которым историки тяготели при осмыслении своей науки: позитивистская, представлявшая историческую работу накоплением фактов и установлением закономерностей, и неокантианская, настаивавшая на уникальности исторических событий и отсутствии законов развития общества. Выдающийся русский историк и методолог А.С. Лаппо-Данилевский синтезировал обе традиции. Он создал оригинальную теорию исторической науки, в которой сформулировал идеи о конструктивности исторического знания, конвенциональности и когерентности исторической истины.

В отечественной науке только лишь наметившаяся дискуссия о методологии истории была пресечена к началу 1930-х годов в связи с утверждением марксистской парадигмы. Историки перенацелились на собирание фактов (источниковедение, палеография, краеведение) и локальные исследования в узких рамках косной интерпретации марксизма. Начавшееся с 1970-х годов оживление в обсуждении проблем методологии истории было по преимуществу связано с источниковедческими проблемами. В начале 1990-х годов отрекаясь от приевшегося марксизма, историки отказались и от формационного подхода в пользу подхода цивили-

зационного. Был провозглашён методологический плюрализм, который обернулся фактическим методологическим нигилизмом. Историки в своём большинстве отвернулись от осмысления философских оснований исторической науки. В результате на место глобальной марксистской схемы исторической реальности пришла мозаика локальных историй. Исследования показывают, что современные историки не имеют системного представления о статусе исторической науки и способах доказательности в ней, и вообще мало интересуются эпистемологией истории [Хут, 2010, с. 469–644]. Редкие отечественные историки, рассуждающие о специфичности исторического знания, демонстрируют парадоксальное сочетание марксистских, неокантианских, герменевтических и постмодернистских идей. Модные веяния западной историографии, исторической эпистемологии и философии истории причудливо преломились в сознании историков и породили своеобразный исторический конструктивизм, сочетающийся с установкой на истинность реконструкции исторической действительности. Причём истинность трактуется ими в классическом смысле – представлять прошлое «как оно было на самом деле».

Движение в области эпистемологии истории в XX веке в основном было связано с интересом к проблеме доказательности исторического знания в аналитической философии и с объявлением сути исторического знания в текстуальности в нарративном направлении. Провокативное отрицание объективности исторического объяснения, присущее нарративистам, их убеждённости в том, что историческое объяснение ничем не отличается от художественного объяснения, подталкивало эпистемологов к обсуждению вопроса о моделях объяснения, свойственных историческому познанию. Ещё в 1934 году М. Козн и Э. Нагель, тяготея к логическому эмпиризму, в своём «Введении в логику и научный метод» разработали гипотетико-дедуктивную модель объяснения для всех наук. В исторической науке объяснение события рассматривалось как предопределение через некоторые ранее установленные «регулярности» развития общества. Но поскольку исторические сведения о прошлом никогда не бывают окончательными и полными, делаемые на этих основаниях заключения имеют лишь вероятностный характер. Козн и Нагель полагали, что историки используют гипотезы, опираясь на хроно-топологические допущения, на предпочтение некоторых причинно-следственных связей всему множеству имеющихся связей, предполагая аутентичность исторических данных и подлинность источника. В истории общие законы выводятся из небольшого объёма фактов. Они устанавливают отношения между отдельными абстрактными фазами, указывая возможное «русло» течения событий. При этом историческое исследование всегда фиксирует уникальные и неповторяющиеся обстоятельства и действия людей, руководствующихся определёнными моральными соображениями и ценностями.

В 1942 году К. Гемпель в работе «Функция общих законов в истории» утверждал, что в истории законы имеют то же значение, что и в естественных науках. Применение дедуктивно-номологической модели объяснения в истории встретило критику. Ведь она пренебрегала динамикой представлений людей о мире, будучи ориентированной на выявление неизменных, универсальных структур, влияющих на поведение. Оспаривалось объяснение как познавательная процедура подведения явления под общие законы. После дискуссии с У. Дреем в 1963 году Гемпель допустил возможность индуктивно-вероятностных суждений, характеризующих ожидание индивидуальных явлений, в зависимости от множества событий, образующих базис объяснения. Событие может быть предсказано и объяснено либо с дедуктивной необходимостью, либо с индуктивной вероятностью. Конкретное событие никогда не может быть объяснено полностью. Но в основании важнейших методов исторического познания – приписывания смысла явлениям и их интерпретации – лежит использование общих закономерностей. Г.Х. Вригт попытался соединить аналитическую и герменевтическую традицию. Он считал, что для объяснения в общественных науках необходимо понимание. В телеологической модели объяснения учитывается рациональность участника исторического действия, то есть – его цели и нравственные устремления. Исследователь исторических процессов должен принимать во внимание, что каждому времени присущи свои социальные нормы, которым люди неосознанно подчиняются. Их стоит рассматривать как своего рода социальные законы.

Какой концепции науки соответствует история – «сильной» или «слабой»? В естественных науках реализована «сильная» версия организации науки, что предполагает содержательную определённость понятийно-методологического аппарата, развитые теоретические объяснения (имеющие объяснительный и прогностический эффект), наличие чётких критериев оценки качества доказательств и аргументации. В современном историческом сообществе нет консенсуса в отношении понятий и методов, преобладают эмпирические обобщения и описания, нет развитой теоретической компоненты. Критерии оценки научного продукта здесь имеют субъективный характер. Доказательность расценивается как соответствие установившейся традиции, базисные основания которой легендарны и некритично поглощаются в период профессиональной социализации.

Невозможность опытного воспроизведения исследуемой ситуации и отсутствие объективных измерений в истории отчасти компенсируется тем, что исследователь может найти некие постоянные, регулярно воспроизводимые действия, которые становятся объектом изучения. Это позволяет выявить функциональные зависимости, установить эмпирические закономерности в социальной, политической и культурной сферах общества. Вероятно, историческая наука может со временем достигнуть состояния «сильной науки», если будет проведена радикальная ревизия её методологического аппарата и теоретических схем, имеющих значение метафизических оснований в мышлении историков. Придётся дифференцировать обезличенную онтологию исторических событий, для которой установление действующих законов коренится в области социологии и экономики, и онтологию индивидуального исторического деятеля и групп таких деятелей,

исследование поступков которых возможно через использование психологии и политологии. Кроме того, есть онтология материального уровня исторической культуры, изучение которой требует от археолога и культуролога обращения не только к специфическим методам вспомогательных исторических дисциплин, но и знания техники и технологии производственных процессов. Необходимо привлечь гипотетико-дедуктивную, дедуктивно-номологическую, индуктивно-вероятностную и телеологическую модели объяснения как не исключающие, а взаимно дополняющие друг друга.

Литература

1. Огурцов, 2003 – *Огурцов А.П.* Развитие методологического сознания учёных XIX века и проблемы методологии науки// *Методология науки: проблемы и история.* М.: ИФРАН, 2003. С. 242–341.
2. Хут, 2010 – *Хут Л.Р.* Теоретико-методологические проблемы изучения истории нового времени в отечественной историографии рубежа XX-XXI веков. М., 2010. 702 с.

УДК 101; 140.8

ОТ НАУЧНОЙ ФИЛОСОФИИ К ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Анриан Михайлович Бекарев

Доктор философских наук, профессор

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Галина Станиславовна Пак

Доктор философских наук, профессор

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Прошлое потому и является прошлым, что оно прошло. Но время не обладает субстанциальным бытием, его носителем являются социальные субъекты различной степени общности. История всё расставит по своим местам, но что есть история, если не некий собирательный образ или понятие для обозначения совокупной человеческой деятельности во временном измерении. Философское сознание потому и является философским, что оно является способом рационального, а не стихийного осмысления реальности. Значимой характеристикой субъекта переосмысления советского прошлого является возрастная характеристика. В культуре настоящего присутствуют два типа субъектов переосмысления советского прошлого. Для первых советское прошлое есть собственное прошлое, для вторых – прошлое советское есть результат деятельности предшествующего поколения философов. Настоящий дискурс строится от лица субъектов, относящихся к первому типу. Исходным основанием философствования советской эпохи являлось положение о научности марксистско-ленинской философии и её исключительности. Становление философия науки связано с провозглашением скромности претензий философии по отношению к науке.

Ключевые слова: время, деятельность, идеология, настоящее, прошлое, марксистская философия, пространство опыта.

FROM SCIENTIFIC PHILOSOPHY TO PHILOSOPHY OF SCIENCE

Andrian Mikhailovich Bekarev

DSc in Philosophy, Professor

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Galina Stanislavovna Pak

DSc in Philosophy, Professor

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Past is past because it is gone. Along with it, time does not possess a substantive existence. Time is attribute of social subjects with a varying level of community. All the people have their own place in history. History is a collective image of human activity in the time dimension. The philosophy mind is a rational understanding of reality, not a spontaneous process. An important feature of a subject understanding of the Soviet past is the age characteristic. There are two types of subjects of understanding of the Soviet past in our culture. The first type refers to people who believe that the Soviet past is their own past. The second type refers to people who believe that the Soviet past embraces the activity of the previous generations of Soviet philosophers. The discourse of this paper proceeds on behalf of the subjects belonging to the first type. The base for Soviet philosophy was a standpoint accentuating the scientific status of Marx-Lenin philosophy and its exclusiveness among the others. The evolution of the philosophy of science relates to the declaration of modesty of modern philosophy in